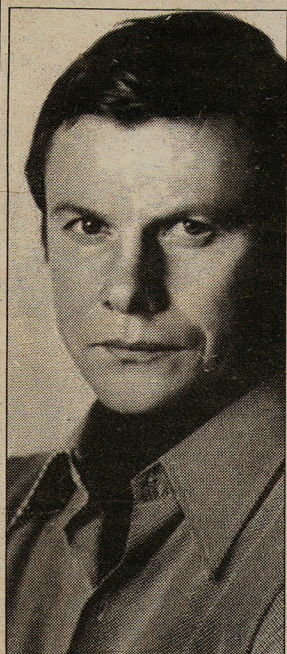

Новая газ.

30 мая — 2 июня 2002 г.

ПРОЩАНИЕ

День был обычный, о чем свидетельствовали новостные выпуски. Шутил по поводу натовского Дома советов Путин, органы искали след очередного публичного акта вандализма, наотмашь гуляли пограничники. И лишь в заключение, привычная «картинка» дня обрывалась горестной вестью, во многих домах принятой близко к сердцу: ушел Виталий Соломин...

На экране он появился в разгар оттепели в облике «неправильного героя»: интеллигентного молодого человека, студента, немного шалопаистого, подтрунивающего над собой и над другими. В фильме «Женщины» его Женя был «сыном» целого поколения — того, которое после лишений, военных бед и каторжного труда мечтало о чистом будущем для своих детей.

Первой его большой ролью в Малом стал Чацкий. И

но. Смешивал в непривычных пропорциях соль с сахаром. Близкие рассказывают, что как истинный актер он мучился комплексом несовершенства. Доказывал, что может играть и Гоголя, и Сухово-Кобылина, и Конан Дойля, и Горина. Доказывал не кому-то — себе самому.

40 ролей за 40 лет. Сорок сороков.

Он был разный не только на сцене. Искрометно веселый и сосредоточенно-мрачный, нежный, отзывчивый и неприступный. В театре многие чувствовали дистанцию «громких размеров», которую он сам устанавливал. Но невидимая граница в ответ на искреннее движение души немедленно рушилась. И прорвавшие эту черту попадали в плен встречного потока: обаяния, искреннего дружеского участия.

Он и переступив 60-летний порог, был молодым че-

Англичане признали его лучшим Ватсоном. Но Ватсон его был очень нашим, смущающим стальную прозорливость и самоуверенность Холмса мягкой иронией недоуменного, рассеянного, словно пришедшего со страниц чеховских рассказов доктора.

Его кинорежиссеры — Роману Улыбину из «Даурии», Николаю Устюжанину из «Сибириады» и, наконец, женатому энтэровцу из «Зимней вишни» — не очень-то везло в личной жизни. Но верилось, что их, излучающих несокрушимое обаяние, женщины любят безаветно и безропотно.

В последнее время он набрал курс во ВГИКе, и к новой для себя педагогической миссии относился более чем трепетно. Играл центральные спектакли в своем театре и в антрепризах. Успел сняться в веселом детективе «Все красное», спродюсированном Жигоновым, где вновь блеснул статью, фирменным чувством юмора. Ставил на сцене «Мышеловку» по Агате Кристи, которую планировал показать в конце мая.

Казалось всем, что был полон сил. А он чувствовал себя измученным. Перед началом последнего в жизни спектакля пожаловался партнеру, мол, занавес еще не поднялся, а он уже так устал...

Когда на сцене ему стало плохо, он продолжал играть. Уже с инсультом довел большую сцену до конца. В зрительном зале ничего не заметили. В том самом заветном зале, где совсем недавно звучал монолог-предвестие его Иванова: «Погиб безвозвратно... О, как возмущается во мне гордость, какое душит меня бешенство! (Пошатываясь.) Эка, как я уходил себя! Даже шатаюсь... Ослабел...»

«Иванова» он не только сыграл, но и поставил. Не все поняли: про что. Он не играл внутреннего метания между женщинами. Он играл про то, как человек надорвался. Говорил с особенной интонацией: «Ведь нас мало, а работы много, много! Боже, как много». Играл про себя. «Нет сил жить. Надорвался я!»

Последний год Виталий Соломин играл чуть ли не ежедневно. Словно в дурном предчувствии, подобно Иванову, спешил: «И вот как жестоко мстит... жизнь».

● Лариса МАЛЮКОВА

СОРОК СОРОКОВ ВИТАЛИЯ СОЛОМИНА

И переступив 60-летний порог, он был молодым человеком

Его Ватсон был очень нашим, словно пришедшим со страниц чеховских рассказов

публика, особенно женская ее часть, стоя приветствовала кумира. Казалось, все ему дается легко. Актером стал без особых мук. Не рвался с детства к рампе. Скорее волей случая — вслед за успешным старшим братом. Потом работал в театре, которым руководил брат. Но к ролям, собственным постановкам шел мучительно трудно, и никто не мог попрекнуть его особой протекцией.

Наиболее яркие характеры на сцене — в «Мамуре» с Еленой Гоголевой, в «Заговоре в Фiesco», в «Ревизоре». Он азартно купался в стихии бурлеска Хлестакова. Фiesco — главная роль в одном из лучших спектаклей Дома Островского. Режиссер Леонид Хейфец отзывался о работе Соломина в самом почтительном тоне.

Его актерское дарование было особым. Он органично умел быть смешным и грустным чуть ли не одновремен-

но. Смешивал в непривычных пропорциях соль с сахаром. Близкие рассказывают, что как истинный актер он мучился комплексом несовершенства. Доказывал, что может играть и Гоголя, и Сухово-Кобылина, и Конан Дойля, и Горина. Доказывал не кому-то — себе самому.

К сожалению, для актера подобного универсального дарования в репертуаре Малого театра находилось не так уж много ролей.

Поэтому он охотно брался за антрепризу. Последняя роль — в спектакле Леонида Трушкина по пьесе Горина. Он играл, как всегда, — выворачивая себя наизнанку, потрясая зал почти мочаловским темпераментом. Мало кто догадывался о его болезни, о давлении, зашкаливавшем за 200. О репетициях с гипертоническим кризом. До ночи. Без скидок.